качества почвы, умѣетъ опредѣлить время для посѣва и жатвы. Онъ можетъ приготовить себѣ обѣдъ, умѣетъ выѣздить лошадь и знаетъ, какъ обращаться съ людьми. Мнѣ часто хочется сказать ему: «Вы образованный человѣкъ, а не я». Пока я еще удерживался отъ этого, но если я когда-нибудь скажу ему это, развѣ не буду я очень близокъ къ истинѣ? Я былъ воспитанъ въ убѣжденіи, что я—безплотный духъ, и въ результатѣ даже очинить карандашъ нерѣдко кажется мнѣ дѣломъ труднымъ.

Толстой смотритъ на вещи болѣе радикально и признаетъ, что въ Россіи наиболѣе образованные люди обыкновенно не умѣютъ ни читать ни писать.

Кромѣ духа, у насъ есть тѣло, и это предстоитъ еще открыть воспитателямъ. Образованіе должно касаться и тѣла, иначе оно будетъ слишкомъ одностороннимъ. Въ Германіи спеціализація духа и тѣла зашла дальше, чѣмъ гдѣ-либо, и тамъ мы встрѣчаемъ идеалъ ученаго профессора съ огромнымъ лысымъ лбомъ, въ большихъ золотыхъ очкахъ надъ почти слѣпыми глазами, съ слабымъ, сутулымъ тѣломъ, которое почти атрофировалось отъ недостатка движенія и свѣжаго воздуха. Но пойдите въ поле, и съ какимъ удовольствіемъ вы увидите тамъ обыкновеннаго крестьянина, исполина по силѣ, но съ умомъ, почти не вѣдавшимъ книжной мудрости.

Помню, какъ, еще мальчикомъ, пріѣхалъ я въ Оксфордъ во время франко-прусской войны и какъ садовникъ въ одномъ изъ университетскихъ колледжей спрашивалъ меня: не здѣсь ли, по сосѣдству, идетъ война? Такъ мало зналъ университетскій садовникъ. Прекрасныя стѣны нашихъ университетовъ какъ бы задерживаютъ источники знанія и не даютъ имъ разливаться въ умахъ рабочаго люда.

У насъ, кромѣ мозга, есть руки и ноги, и мы должны же пользоваться ими! Что можетъ быть безсмысленнѣе всѣхъ этихъ аппаратовъ доктора Феллонъ, гирь, тяжестей и блоковъ, съ помощью которыхъ мы доставляемъ себѣ тѣ физи-